

* * *

Заболеть предчувствием беды.
И даже не беды — а изменений —
Глобальных и душевных потрясений,
Весь мир для нас меняющих. Белы

Снижающиеся снежинки. Снег —
Лежит на сердце. Холодок под сердцем.
Идёт по полю чёрный человек —
Невольным и несчастным страстотерпцем.

Маленькая шотландская баллада

Стихи прорвало ноябрём,
Дороги развезло.
И всё наперекор. Бредём
Себе и всем назло.

Но после — жизнь замедлит ход
И всё покроет снег.
И, как татарин — Новый год —
Осуществит набег.

* * *

Возможен дождь —
Как возгорание предметов
Возможно. Из улик, примет, ответов —
Лишь ржавый гвоздь

Останется на месте катастрофы,
Потопа или пепелища.
Но будет питание и будет пища.
И будут те же самые вопросы.

И будут те же лица. Третий — лишним
Всё так же будет... Будут превращения
Из сложного — в простое, приращенья
На древе родовом... но это личным

Останется... и станет чьей-то тайной
Для некоторых узловатых веток...
В огонь летит реликтовая ветошь.
Возможность жить покажется случайной.

* * *

Перед снегом воздух пахнет снегом...
Или это память вызывает
Запахи предчувствием... Не с небом,
С именем и одиноким следом
Это связано. И имя называет

Утро гулкое... Трамвайный скрежет
Криком нерасслышанным затихнет...
Серый иней... Утро только брезжит.
Пусть оно меня к живым причислит.

* * *

После стресса опять обживаешь пространство,
Словно жизнь после смерти тяжёлого тела.
Получаешь у комнаты снова гражданство,
И к тебе привыкает поверхность предмета,

Осязаешь которую только душою.
Грубый палец лежит на груди неподвижно.
И уста разрешаются речью чужою.
Но её никому почему-то не слышно.

* * *

С весною срифмую свинец и ненастье,
Горящее сено в молочном дыму.
У сердца есть дальнейшее устье — запястье,
Оно так вещественно служит ему.

Лицо и изнанка знакомого слова —
И в них — симметричные выход и вход.
Так — Осень Весной улыбнулась сурово,
Сменив тёплый выдох на зябнувший вдох.

* * *

Красивы странной красотой	Симпатии — глубокой, стойкой
Сухие чёрные деревья,	(Совсем не той, что меж людьми)
Достойные не удивленья,	И в свою очередь достойной
Не жалости... Любви. И той	Древесной преданной любви.

* * *

Человек всё время дышит —
Хоть его трамвай колышет.
Хоть его желанье движет
Вдаль куда-то. Он всё дышит.

Слышит он или не слышит —
Но он дышит, дышит, дышит.

Эскимо жеманно лижет,
Бусинки на нитку нижеет...
И при этом — тихо дышит...

Вот он завещанье пишет.
Он ещё пока что дышит...

* * *

Пальтецо — хочется скинуть —
Разом, быстро, с плеча, небрежно.
Рюмку полную — опрокинуть.
Это очень порой не вредно.

Разобиженного — утешить,
Беспокойного — успокоить...
Чтоб потом самому опешить
И прозренье своё ускорить.

* * *

Постоянно слёзы и печаль.
Тёмные, глубокие глаза.
Скорбь моя счастливая... Гроза
Будоражит заспанную даль.

Так и надо. Так и быть должно
Для нормальной, ищущей души.
Как воспоминание одно —
Поиск правды в собственной глуши.

* * *

Развеваемый ветром сон
Струйкой дыма белёсой и рваной.
В волокно облаков вплетён
Зыбкий сон городской панорамой.

А в просветах реальность мелькнёт
Полосатым лучом на обоях.
Мать из сна вам рукою махнёт...
И никто вас не видит обоих.

* * *

Мне грустно спать, мне скучно засыпать...
Как будто засыпать себя землёю —
Реальностью как будто неземною,
Гонцов, опять ненужных, засылать...

Зачем мне спать? Печальным быть зачем?
В снотворчестве участвовать трагичном?
И в этом состоянье пограничном
На казнь опять последовать за кем?

* * *

Мне бы жить где-нибудь
В закудыкиной волости,
В синем небе тонуть,
Да отращивать волосы.

Да с подрядчиком спор
О вреде избытия...

Спички, соль и топор,
Стол дубовый, да Библия

Чтоб над домом была
Тень огромного облака...
Хлеб, немного тепла,
Да лампадка у образа.

* * *

Неужели до весны мне не дожить?
Не увидеть луж разливы и капли
Не услышать? Рифмы не сложить,
Не поговорить хореем — неужели?

И на Вербное к обедне не сходить,
В храм по каменным ступеням не подняться?
Неужели до весны мне не дожить?
Моему унынью не уняться?

Печальный сноб

Печальный сноб, фанатик звука,
Законсервированный Дух,
Точнее, ощущение Духа,
Сознанием хранимый звук,

Печальный сноб, фанатик звука,
Законсервированный Дух,
Точнее, послезвучье Духа,
В пространстве закреплённый звук.

Всё, что должно быть, кроме тела,
И подразумевалось в нас —
Достигнет нашего предела
И миру явится, лучась.

Нерукотворного пробела
Коснётся после смерти в нас —
Всё то, что было, кроме тела —
Всего того, что в нём сейчас.

Адам и Ева

Это словно мой собственный сон.
Это яблоко. Древо познания.
Послевкусие. Мякоть и сок.
Послевкусие. Горечь изгнания.

Плоть от плоти и персть от земли —
Отошли они в эту же землю —
Уже люди. Телами легли.
Я конкретно Писанию внемлю.

Это в нашей дремучей крови —
Ощущенье преступленной грани.
Новый грех не спеша раствори
Не в сосуде души, а в стакане —

Этот грех... — до всего и до всех —
Это где-то в крови, в подсознание.
И поэтому — это наш грех.
Не в словах даже. Просто в дыханье...

И не пей... Эти двое в раю...
И потом уже — смертные оба —
Они помнили рай в том краю
Невозвратном — до самого гроба.

И поэтому поиски рая —
Этой Родины нашей души —
Через наши сердца пролегая,
Исчезают в их красной глуши.

* * *

Мы — глина в руках Господних,
Но хрупкая, как вольфрам.
Скиталась в степях безводных
Душа. Но вернулась в храм.

И с собственным хрупким хрустом
Меняется что-то в нас.
В пути — безысходно-русском —
Слезят мириады глаз.

* * *

Шорох снов. Обоев треск.
Шорох клееной бумаги.

Вновь хватило вам отваги
Пронести свой тяжкий крест.

Клейкость опустевших сот.
Поворот скрипучих петель.
И единственный свидетель —
Высохший холодный пот.

Это явь. Другая явь.
Это жизнь. Но жизнь другая.
Вы проснулись, не мигая,
Две реальности разъяв.

* * *

Шаги, какие-то шумы.
Весь дом тишайшими шумами
Пронизан. Тихое цунами
Наполнит ужасом умы.

Вдоль стен. Как дым от папирос
Скользила тень — по платьям, брюкам,

Шероховатый шорох рос,
Стремя себя змеиным брюхом

Вползая в узкий коридор,
Где даже днём — темно и тихо,
Где зайчик солнечный, как вор,
Глядит испуганно и дико.

* * *

Душа моя такая же, как я,
Того же возраста и с теми же страстями,
Грехами и печальными вестями,
Душа моя, ровесница моя!

Моя душа и я... Какой кошмар!
Да это ж я, и только ей останусь,
Когда умру... Растаю и раскауось.
Да будет поздно... не унять пожар.

* * *

Минуя сон — я вспоминаю
Давно предсказанное мне.
Уже заочно понимаю
Увиденное мной во сне.

И — то ли было, то ли будет —
Но прожитая мной уже —
Реальность — сердце мне остудит,
Не отпечатавшись в душе.

* * *

С. Э.

Двадцать седьмое марта
Было холодным днём.
Вермут, роман Ремарка.
Снег прошлогодним сном.

Мы никого не ждали.
И никто не пришёл.
Просто ужинать стали,
Просто сели за стол.

Помню: окно, как карта.
Контуры штор на нём.
Двадцать седьмое марта
Было холодным днём.

* * *

В отметилах от множества обид,
Друг другу нанесённых, мы предстанем
Друг перед другом. И, представши, перестанем
Обиды наносить. Открылся вид!
Внезапно будет раунд прекращён —
Задолго до задуманной развязки.
И мы пойдём, как альпинисты — в связке.
И этим путь наш будет сокращён.

* * *

Есть люди — никогда не засыпают. Им остаётся только забытьё. Как сломанные ветви — засыхают, Не чувствуя бесчувствие своё.	И застывают медленные соки Под толстою слоистою корой. Подходят окончательные сроки, Не узанные мною и тобой.
---	--

* * *

Мы всё ещё в этом мире. Не отняты от него. Но знать о чуме и о пире — Ужасно. Ужасней всего.	И этот зазор между миром И нами — всё время растёт. Болезнь становится пиром. И смерть всех пирующих ждёт.
---	---

* * *

Засыпается хорошо. Спится плохо. Раскрываются широко Рот и око.	Прерывается в горле стон И дыхание. Вот уставлен свечами стол. Отпевание.
--	--

* * *

Мой кризис — космос мёртвый мой. Погасли звезды, замерли планеты. Когда мы опечалены и немы — Возможно ли вообще прийти домой?	А где он, дом? Он просто есть или нет. Он просто может быть или не может — Изыят из рассмотрения сам предмет, Когда душа опасно занеможет.
---	---

* * *

Ваши швы шуршали под одеждой,
Сбились Ваши белые бинты...
В этой несусветности крошечной
Только боль светилась. Немоты

Скрестятся натянутые нити,
Тишины сплошное полотно
Выткется... Уроненные книги
Пусть валяются... Лишь серое окно

Будет жить смеркающим светом —
Медленно, едва-едва, чуть-чуть...
С воздухом, вдруг ставшим низким небом,
Всё исчезнет... Как свечу задуть —

Погасить сознание... Как молчанью —
Нет альтернативы тишине...
Бледной акварелью сон с печалью
Проплывёт над нами в вышине.

Сверхобычной драмой выживания
Будет ночь — как карий взгляд в упор.
Будет в продолжение заседания
Спорить с адвокатом прокурор.

* * *

Единство снов. Взаимосвязь
Невысказанных чувств и мыслей,
Их очевидность. Вот и мы с ней —
Расходимся, взаимно злясь.

Я не сказал ещё, а ты
Уже монетой той же платишь,

Не тот запас словарный тратишь,
Вдруг исказив свои черты.

Ведь я не чувствую — я сплю,
Ты не угадываешь — знаешь.
Я лёд обиды растоплю —
И ты о ссоре забываешь.

* * *

Молитва. Битва. Бояться Бога —
Сама любовь чтоб ещё жила.
А слов, эмоций — не надо много.
Здесь — меч в руке, а вдали — жена,

Вдали — страна, что нужду имеют
В твоей защите и чистоте

Твоей. Живут они, как умеют
В своей магической простоте.

Любовь от наших слов не зависит.
Она и так существует. Нам
Лишь верность надо хранить. Запишет
Наш ангел наши дела — к делам.

* * *

Молчание имеет вид сабли в ножнах,
В которых скрыто лезвие языка.
Тишина растёт на сосновых ножках —
В ней иголки пауз для музыки. Звук жука —

Инструмент летающий — сам себе
дирижабль-шкатулка,
Словно раковина, хранящая жемчуг-звук.
И висит электричество, как штукатурка,
Выходя из-под рук, не касаясь рук.

* * *

Прощайте, красавица и чудовище...
Кислород в баллонах уже кончается.
Океан нас не хочет и он прощается.
Он не может в нас разглядеть сокровище.

Пусть другие друзья зарастут ракушками.
Пусть волна методично шлифует стёклышки.
Мы с тобой на рассвете расправим крылышки,
Небеса занавесим платьями и рубашками.

* * *

Как это странно, когда метафора
превращается в реальную вещь
А чувство в конкретное вещество
Когда говоришь «до самой смерти»
то видишь вдали просто брешь
И видимо с этим связанное какое-то торжество

Я как-то слишком неистребимо люблю тебя
Так бесконечно нежно яростно и не смыкая
глаз
Даже когда для тебя я злю тебя
Может быть я задую тебя
только не в этот раз

* * *

Не в обиду вам будет сказано, люди,
Среди вас всё меньше хочется жить.
Вы — не при чём. Межпланетные нахалюги
Просто нам не дают друг друга любить.

Это космос, вампиры и трансвеститы
Разлохматили наши биополя.
Всё мутирует, спутники сходят с орбиты.
Зреет мак с коноплей, да пушат тополя.

* * *

Для сумасшедшей кобылы сто вёрст не крюк,
Мы уезжаем с тобой на южный юг,
Туда, где печёт, печёт и печёт,
Где бледнолицым ублюдкам с деньгами
всегда почёт...

Или на северный север к гордому Каю,
Жертвенной Герде, где я догоню, доконаю
Смыслы, оттенки любви и ненависти,
Нашей живучей, ожесточённой растерянности.

* * *

Жучок по ванне не бегаёт — писем нет.
Интернет по этому поводу сушит сети.
Даже спящий — в себя смотрящий —
порой не нем.
Рыбаку опять непонятно, что притащили дети.

Что ж ты, дискус, скалярка, карась золотой?
Где посулы твои и кошмар трёх желаний?
Понимаю: волшебные рыбы — народ занятой.
Наша жизнь тяжела полнотой ожиданий.

...Даже рыбка... и та поумнела... молчит,
словно... сыч...
Ничего не предложит из прежних презентов...
У меня сводит жабры... — «Да ладно...
не хнычь!»
Я устала... мирить ваших жён,
да менять президентов».

* * *

Очень странно смотреть сквозь окно
на далёкий пейзаж:
В тишине-немоте абсолютной колышутся флаги
И танцуют деревья... и туч удлинённые флаги
Осторожно несут бурдюки натянувшихся замш.

Небо — серое-серое — как свежевывсохший
грунт —
Штрих любой, словно стриж — чуть плывёт
из-под взгляда.
Он застынет потом... ну, а с ним —
моя грусть...
как сквозь образ, поставленный в раму оклада,

я смотрю сквозь окно на далёкий пейзаж...
Мозг — как капсула с ядом — прозрачный мерзавец.
Поворот головы... в тёмной линзе мерцает,
Как утопленник синий — «нивея визаж».

* * *

Боль упаковывает человека, как птицу.
Не улетишь. И крыльями не взмахнёшь.
Важнейшую информацию доверяют петиту.
А там уже, как прочтёшь.

Но партитура неумолима.
Она предательски выполняма.
А то, что там дирижёр танцует...
А то, что там бельэтаж пустует...

...И не всё равно... Я спелёнут звуком.
Я упакован. Омыт. Укутан.

* * *

Я люблю засыпать замерзая.	Эта улица — словно автограф.
Втиснут в транспорт, набитый битком,	Эта площадь — как будто печать.
Меж витрин опознать двери рая,	Алфавит для слепых — зимний город.
Чуть прихваченные холодком,	Осязанье торопит, влечёт.
На стекле свой автограф оставить,	Голод зренья — мифический голод.
Долго пальцем сканируя лёд...	Иней — как забытье... зарастёт
И оттаять глазок... и оттаять...	Непрозрачным узором... затянет
Забытье — это иней. Замерёт	Лунку света резным серебром...
Окончательно звук. И автобус —	И луна одиноко сияет
Только образ, немая печаль.	В небесах мусульманским серпом.

* * *

Запрыгнуть в сон, как в движущийся поезд,
Определиться с местом у окна,
В котором сосны видимы по пояс
И в полный рост — какая-то одна.

Запомнить весь порядок перелесков,
Как нечто важное в последствиях своих.
Поняв, что всего лишь перебежчик.
И честен только лишь от сих до сих.

* * *

«Титаник» бесконечно тонет	Кромешность, кроме льдин и лодок.
И ужас кормит сам себя.	Заочность — это тот же лёд.
Вторая палуба. Джин-тоник.	Огромный дом. Душа и логос...
Прозрачный айсберг, как судьба.	Он утонул. И набок лёг.

* * *

Иногда так хочется курить.
Дым во рту держать и говорить.

Иногда так хочется кричать.
Грусть-сургуч сломавши, как печать.

Получить не спрошенный ответ.
И узнать, что конец света — это свет.

* * *

Книжки читать, которые не читаются.
Тайны скрывать. Которые не скрываются.

Ведь нелюбовь — точно так же, как и любовь —
свой имеет образ.
Это такая статья, тайнодействие, это такая
область,

Где абсолютно всё, абсолютно всё
неуничтожимо.
Вся атмосфера — кувшин — как среда
обитания джина.

* * *

Иногда отключить забываю громкость
у сердца —
И ты начинаешь слышать мои слова.
Так наверно саднит заусенца
В трещине толстой кожи слона.

Так наверно акула тонет,
Не имея воздушного пузыря.
Не останавливайся! Пусть стонет
Колокольчик слепого поводыря.

* * *

Я наверное заколдован.
И хочу быть не расколдован
До тех пор, пока не взволнован
Человеком, что очарован,
В свою очередь, мной — тем словом.
Говорят ещё — «одним словом» —
Чемодан мой не распакован.

Притяни же меня за жабру
И не принципам — только жанру
Измени — узаконь реальность —
Грандиозную тривиальность.
Без которой искусство гложет.
Чахнет роза и Муза сохнет,
Потому что у Музы слов нет.

Мерседес не твой припаркован...
Я, наверное, заколдован.

* * *

Это мелодрама, Серёжа...
Это ни на что не похоже...
Я уже свихнулся похоже...
Надо с двойником быть поосторожнее.

Он, Двойник, не разбирается в людях —
Богачах, ушах игольных, верблюдах,

Он не верит в гениальное чудо,
Он такой же психопат, как Иуда,
Он предатель, не поверивший в счастье.
Он браслетик защелкнул на запястье
И на щиколотку бирку повесил...
Оттого-то и Серёжа не весел.

* * *

Надо спать... но спать не надо...
Это зона карантина.
Украина вступит в НАТО...
Но при чём здесь Украина...

И при чём здесь время суток.
Ночь без права переписки.

Заторможенный рассудок,
Пазлы, спички, черепички.
И при чём здесь сновиденье...
Сон без права передачи...
Непрозрачные деревья
И Фортуна без удачи.

* * *

Кому быть повешенным, тот
не утонет.
Вот и мы — в воде не тонем, в огне не горим.
Пусть себе пузо вспарывает японец,
Новый Нерон поджигает неновый Рим.

Заасфальтирован Стикс и Харон за Лимбом.
А Рубиконы теперь на каждом шагу.
Вечером — рай: коньячку нальём и заварим

«ЛИПТОН»,

Сядем поближе к адскому очагу.

* * *

Скоро осень, значит, скоро лето.
Птиц отправить снова в дальний путь.
Чтоб потом, как будто с того света —
Из-за океана их вернуть.

Межсезонье — это обертонны
На пути от холода к теплу.
Тихо умирают телефоны.
Ползают дождинки по стеклу.

* * *

Позволь мне любить того,
 кого я хочу любить, Господи.
Но пусть будет так, как хочешь Ты, Господи.
Но позволь мне любить того,
 кого я хочу любить, Господи.
Но пусть будет так, как хочешь Ты, Господи.
Но позволь мне любить того, кого я хочу, Господи.
Но пусть будет так, как хочешь Ты, Господи.
Помоги мне любить Тебя, Господи.
И пусть будет так, как хочу я, Господи.

* * *

Дворник шоркает снег, словно дразнит
 космический хаос.
Так кометы стирают себя о наждак пустоты.
Под окном моим тополь весной шелестит,
 словно парус,
А зимой, словно мачта, пугает... но всё
 пустяки.

По сравнению с тем... что душа умирает,
Хоть и знаю отлично — бессмертной нельзя
 умереть.
Старый дворник со знанием дела наш двор
 подметаает.
Я на этот кошмар не могу уже больше
 смотреть.

Алфавит-13

Я люблю я люблю дождь зимой
Я люблю я люблю снег летом
Потому что и лёд это тоже зной
А жара всегда пахнет снегом

Нетерпение испаряет меня всего
Я смотрю сквозь тебя и тебя лишь вижу
После «ВСЁ» сразу точка и ничего
Ненавижу Прости Ты во мне Не ближе